

роннее и неприязненное отношение к ним. И так же точно Уэбб, когда он противопоставляет их литературу греческой, так и многие другие, писавшие о египетских нравах и форме правления с европейской точки зрения».¹⁷

Останавливаясь на известном тезисе Монтескье о страхе как движущем принципе деспотии, Гердер возражает против универсального приложения этого тезиса к государствам и патриархальному жизненному укладу древнего Востока. То, что мы — просвещенные европейцы — считаем предрассудками, внушенными насильственно или путем обмана, на самом деле было, по мнению Гердера, спонтанно усвоено, с младенческой поры воспринято народом, находящимся в «младенческом возрасте», было его жизненными устоями и формами существования, выросшими из самой жизни. «Как нелепо клеймить наимрачнейшей чертовщиной нашего столетия это неведение и восторг, эту фантазию и благоговение, этот детский энтузиазм, называть их жульничеством и глупостью, суеверием и рабством!»¹⁸ Еще менее приложимы универсальные схемы, извлеченные из опыта прошлого, к настоящему, в особенности к народам, переживающим «младенческий» или «юношеский» возраст, которым хотя навязать формы жизни и государственности, не соответствующие их национальному характеру.

Еще ранее, в «Дневнике», Гердер критически отзываясь о политической триаде Монтескье: «Его основные положения справедливы, тонки, прекрасны, но неполны и подвержены бесчисленным комбинациям. Бывают демократические аристократии и, наоборот, аристократические монархии и монархические аристократии, да и те — в каком разнообразии! Монархический деспотизм (как во Франции при Людовике XIV) и деспотическая монархия (как в Пруссии), аристократический деспотизм (как в России), демократическо-аристократические монархии, как в Швеции, и монархически-аристократическая демократия, как в Англии, и т. д. . . Какое изящное произведение можно было бы написать, исходя из Монтескье («Дух Законов») по поводу Монтескье («Величие римлян»), которого не написал ни он, ни Мабли! Сколь необходимо его понять, расширить, заполнить и правильно применить. И как в особенности трудно последнее. Это видно на самом выдающемся примере, на примере русского законодательства».¹⁹ Как видно из этого рассуждения, Гердера не удовлетворяет абстрагированное обобщение Монтескье, которому он противопоставляет многообразие конкретных политических и государственных форм. В другом месте дневника он задает вопрос — появится ли для России второй Монтескье, втайне сам мечтая об этой роли. При этом Гердер настойчиво напоминает: нельзя брать в качестве образца Грецию и Рим. Рос-

¹⁷ Ibid., S. 293.

¹⁸ Ibid., S. 288.

¹⁹ Ibid., Bd 1, S. 152.